

«ГОРА» 1849 ГОДА

Н. Застенкер

Экономическое положение Франции в 1849 г., особенно в первом полугодии, было тяжёлым. Промышленный подъём, наступивший в Европе с середины 1848 г. и достигший в 1849 г. уже значительных размеров, распространился на Францию с запозданием и не носил устойчивого характера. Отдельные симптомы подъёма, обнаруживавшиеся в ряде отраслей промышленности, не создавали ещё картины всеобщего оживления в делах. В то время как хлопчатобумажные и льняные фабрики Лилля, Рубэ, Туркуэня, Эльзаса возобновляли прерванную кризисом работу¹, отрасли тяжёлой промышленности — угольная и металлургическая — продолжали переживать депрессию; их продукция либо сокращалась (чугун, железо) либо оставалась на уровне кризисного 1848 года (уголь)². Последнее объяснялось также и тем, что резко сократилось строительство железных дорог: работы по прокладке магистральных линий Северной, Орлеанской и Париж — Лион — Марсельской дорог заметно развернулись лишь к концу 1849 г.³, и только линия Марсель — Авиньон была открыта в марте 1849 года⁴. Новые железнодорожные концессии в 1849 г. отсутствовали.

Но и отрасли лёгкой промышленности испытывали подъём лишь частично: увеличивалась главным образом экспортная продукция хлопчатобумажных, льняных и шёлковых фабрик. Обороты внешней торговли росли за счёт вывоза тканей и других экспортных изделий французской промышленности на внешние рынки — в Испанию, Америку, германские государства⁵. Предприниматели стремились вознаградить себя за сокращение внутренней торговли завоеванием внешних рынков; французская промышленность усиливала конкуренцию с английскими, бельгийскими, западногерманскими и швейцарскими товарами.

Пёстрая картина экономического положения страны ещё больше осложнилась продолжавшейся и в 1849 г. депрессией в сельском хозяйстве. Очень хороший урожай 1848 г., при резком сокращении платёжеспособного спроса населения, привёл к образованию значительных товарных запасов сельскохозяйственной продукции и к резкому падению цен на хлеб и вино. Цена пшеницы в 1849 г. упала ещё ниже, чем в 1848 г., а цены на вино снизились на 40% по сравнению с 1848 годом⁶. Денежные доходы крестьян, в особенности мелких и parcelных, продолжали снижаться, в то время как прямые и косвенные налоги росли. Это приводило к новому расцвету ростовщичества, кабалы и зависимости мелких землевладельцев зерновых и винодельческих районов от капиталиста, скупщика, оптового торговца, помещи-

¹ См. Gossez A. «Le département du Nord sous la deuxième République 1848—1852», p. 238, 250, 268. passim. Lille. 1904.

² «Annuaire statistique de la France». Т. IV, p. 348; см. также Gossez A. Указ соч., стр. 275.

³ В мае 1849 г. были ассигнованы бюджетные средства на постройку железнодорожной линии Тур — Нант, Монпелье — Ним и линии Париж — Лион.

⁴ Les Bouches du Rhone, Encyclopédie départementale. Т. VIII, p. 61 Paris — Marseille. 1926.

⁵ Levasseur E. «Histoire du commerce de la France». 2-me partie, p. 252. Paris. 1912; см. ero же «Histoire de classes ouvrières et de l'industrie en France». Т. II, p. 461. Paris. 1904.

⁶ «Annuaire statistique». Т. IV, p. 308—309.

ка, нотариуса и ростовщика. В лучшем положении находились хозяйства и районы, производившие технические культуры, спрос на которые со стороны промышленности возрастал.

Наконец, крайне неблагоприятно влияли на промышленность и торговлю, особенно мелкую, положение денежного рынка, дороговизна и малая доступность кредита.

В результате кризиса 1847—1848 гг. и вследствие политики временного правительства позиции крупного банковского капитала не только не ослабели, но, напротив, усилились. После краха в 1848 г. множества мелких коммерческих банков кредит снова оказался в монопольном обладании крупного банковского капитала. Не считая учрежденной в 1848 г. учётной кассы, операции которой в Париже едва достигали 110 млн. фр. в год, на денежном рынке господствующее положение занимали банкирские дома Ротшильда, Малле, Фульда, Готтингера, Эйхтала и других представителей финансовой аристократии. Укрепили позиции Французского банка: после осуществлённого временным правительством превращения провинциальных банков в его отделения Французский банк раскинул сеть своих филиалов по всей стране и укрепил свою финансовую монополию. Металлические запасы банка увеличились в 1849 г. вдвое по сравнению с кризисным 1848 годом, и его банкнотная эмиссия непрерывно возрастала⁷. В то же время продолжали сокращаться учётные операции Французского банка и в Париже и в провинции: их объём в 1849 г. был на 40% ниже, чем в 1848 году⁸. Уменьшая свой коммерческий портфель, т. е. кредитование промышленности и торговли, и обставляя этот кредит повышенными требованиями гарантий, банк отдавал мелкую промышленность и торговлю во власть ростовщического кредита. Если в 1847—1848 гг. кризис своими ударами ускорил процесс разорения и обнищания мелкой буржуазии, то кредитная политика крупного банковского капитала в 1849 г. довершала дело кризиса. При этом надо иметь в виду, что в 1849 г. наступали сроки многочисленных долговых обязательств, а всякие отсрочки, льготы и проекты полюбовных сделок между должниками и кредиторами были отвергнуты Учредительным Собранием. В результате, несмотря на симптомы оживления промышленности и торговли, число судебных дел о банкротствах оставалось в 1849 г. на уровне 1848 г., а число случаев продажи имущества должников по приговорам коммерческих судов выросло наполовину по сравнению с 1848 годом⁹.

Таким образом, 1849 год не принёс с собой нового устойчивого хозяйственного подъёма. Выход из кризиса совершался неравномерно и в ряде отраслей промышленности ещё только намечался. Тяжёлая промышленность и сельское хозяйство продолжали переживать депрессию. Положение рабочего класса и трудящихся масс оставалось крайне тяжёлым, а разорение и обнищание мелкой буржуазии и крестьянства усиливались. Вместе с тем окрепли и усилились позиции крупного капитала в промышленности, торговле, сельском хозяйстве и особенно в области кредита. Это создавало твёрдую опору для буржуазной реакции, стремившейся ускорить выход из кризиса и обеспечить новый экономический подъём посредством решительного наступления на рабочий класс и мелкую буржуазию, удушения демократической республики и восстановления реакционной буржуазной диктатуры.

Все эти обстоятельства питали растущее недовольство в массах крестьянства и городской мелкой буржуазии и приводили к новому подъёму революционных настроений в стране. Разоряемые слои мелкой

⁷ «Annuaire statistique». Т. IV, p. 459.

⁸ Там же.

⁹ См. там же, Т. V, стр. 109.

буржуазии начинали видеть в монархической реакции, утвердившейся теперь у власти, возврат ненавистного господства финансовой аристократии. Республика и демократические права, завоеванные в результате февральской революции, опрокинувшей было это господство финансовой аристократии, приобретали теперь особое значение, как гарантии, обеспечивающие возможность отстаивать интересы мелкой буржуазии против крупного капитала. Последний был общим врагом и рабочего класса, и крестьянства, и городского мещанства; растущее сознание этого факта устранило прежний раскол между этими классами, уступавший место стремлению их к единению. Такова была первая характерная черта нараставшего в стране нового подъёма революционных настроений.

Другой характерной чертой было то, что на этот раз он охватывал не только Париж и крупные промышленные центры, но и провинцию, деревню и даже армию. На этот идущий вширь и вглубь процесс революционизирования значительных масс мелкой буржуазии указывали многочисленные признаки. О нём свидетельствовали донесения префектов департаментов и окружных прокуроров. «Всеобщее избирательное право,—говорилось в одной прокурорской записке,—распространив политическую жизнь на все слои общества, способствовало тому, что в них проникли агитация и страсти, которые волновали когда-то, по крайней мере в деревне, лишь высшие и средние прослойки. Сегодня деление на красных и белых, повторяемое политической прессой, распространилось до самых маленьких хижин». Прокурор жаловался, что всюду по воскресным дням у кабачков происходят стычки, «начинающиеся враждебными криками: «Долой белых!», «Долой красных!» и кончающиеся всегда потасовкой и ростом возбуждения и ненависти»¹⁰.

Несмотря на террор властей, во многих департаментах продолжали интенсивную деятельность демократические организации, клубы, тайные общества, влияние которых увеличивалось. Годовщина февральской революции была отмечена многочисленными собраниями и банкетамы во многих уголках страны. Эти банкеты, антиправительственный характер которых подчёркивался отказом властей от празднования этой даты, носили массовый характер не только в Париже, но и в провинции. В Лионе на банкете присутствовало 8 тыс. чел.¹¹, в Казенне 1800 участников банкета шествовало в уличной демонстрации; в маленьком городке Ла Монтэ (департамент Алье), при населении в 500 душ, в банкете участвовало 60 чел.¹², в Кламси—1200 чел.¹³, в Буршане—500 человек. Банкеты состоялись в Валансьенне, Нанси, Реймсе, Сент-Этьене, Страсбурге, Бурже, в мелких городках департаментов Жиронды, Ло-и-Гаронны, Н.-Луары, Мерт, Мейзы, Н.-Рейна и др.

В Рокемаре (деп. Гар), Кламси, Тулузе, Узес, Ниоре, Гильогере они сопровождались беспорядками, столкновениями национальной гвардии с войсками и полицией. Две роты национальных гвардейцев Тулузы за демократические и мятежные настроения были распущены властями¹⁴. В Дижоне войска разоружили национальную гвардию¹⁵. Национальная гвардия была распущена и в Ош (деп. Жэр)¹⁶. В Париже особенно шумел многотысячный банкет учащейся молодежи, разогнанный властями с помощью крупных полицейских сил, после того как студенты отказались допустить представителей властей присутствовать на банкете.

¹⁰ Le bey A. «Louis Napoléon Bonaparte et le Ministère O. Barrot», p. 110. Paris. 1912.

¹¹ «La Révolution démocratique et sociale», № 113, 1 mars 1849.

¹² Там же, № 121, 9 mars.

¹³ Там же, № 115, 3 mars.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же, № 106, 21 février 1849.

¹⁶ Da g n a n J. «Le Gers sous la seconde République». Т. I, p. 158. Auch 1928—1929.

Для революционных манифестаций возникали и другие поводы, подчас самые неожиданные. В Лилле в начале февраля власти решили к представлению театральную пьесу, являющуюся пасквилем на республиканцев и демократов. На первом же представлении спектакль был сорван. В зале стоял свист, в кулуарах между зрителями вспыхнула драка, у входа в театр происходила республиканская демонстрация. Тем не менее спектакль был устроен вторично. Для охраны театра на площади и соседних улицах были размещены четыре роты пехоты и эскадрон конных егерей; в казармах была собрана национальная гвардия. Однако рабочие, явившиеся после окончания работы на фабриках, наводнили площадь и прилегающие улицы и устроили новую демонстрацию против властей. Последние были вынуждены снять пьесу с репертуара¹⁷.

Донесения прокурора сообщали о многочисленных политических демонстрациях в разных местах страны во время масляничного карнавала 1849 года. В городе Исуар (деп. Пюи де Дом) в карнавальном шествии везли телегу с фигурой Свободы, опирающейся на плечи рабочего и крестьянина, а позади шли фигуры иезуита, легитимиста и капиталиста, пытавшиеся сковать Свободу железными цепями; ещё две фигуры, сидевшие верхом на ослах, изображали «привилегии» и «знать». На следующий день, сообщал прокурор, появились новые фигуры: погонщика волов в костюме буржуа, который гнал связанных по рукам рабочих, и демократа в красном колпаке, вонзающего нож в чучело, изображавшее капиталиста¹⁸.

В Лилле во время масляничного карнавала была провезена по всему городу группа, изображавшая рабочего, который по приговору суда отсекает голову чучелу Луи Наполеона, «виновного, — как гласила надпись, — в узурпации поста президента, который должен быть отдан Ледрю-Роллену»¹⁹. В Ланжаке в карнавальном шествии выступала фигура «красного», который гильотинирует «белого»²⁰. В Нарбонне за антиправительственный и оскорбительный для президента характер карнавала были распущены национальная гвардия и муниципальный совет: в этом городе в карнавале показывали фигуру в сером сюртуке и треугольной шляпе, сидевшую на осле, а над ней несли транспарант с надписью «Булонь — Страсбург»²¹. Об антибонапартистских выступлениях сообщали и другие донесения прокуроров. «Маскарады, — писал один прокурор министру юстиции, — показывают на существование крайнего ожесточения и более или менее открытой борьбы между различными классами граждан»²².

Скупые сведения о забастовках свидетельствовали о некотором подъёме рабочего движения, несмотря на тяжёлые поражения, испытанные им в 1848 году. В Бордо бастовали плотники казённых судостроительных верфей, а также кожевники и пыльщики; власти арестовали 16 вожakov стачки на верфях, после чего работа возобновилась²³. В бассейне Жьер в марте 1849 г. бастовали горняки. Стачка была вызвана попыткой предпринимателей уменьшить заработную плату и сократить часть рабочих²⁴. В Шательэро (деп. Изер), где имела казённая оружейная фабрика, увольнение «красных» мастеров вызвало волнения рабочих.

¹⁷ См. Gossez A. Указ соч., стр. 335.

¹⁸ Dagnan E. «La réaction conservatrice dans l'Ouest, le Centre et le Sud-Ouest de la France en 1848, 1849 et 1850». «La Révolution de 1848». Vol. VI, p. 221. 1909—1910.

¹⁹ Gossez A. Указ соч., стр. 336.

²⁰ Dagnan E. Указ соч., стр. 221.

²¹ «La Révolution démocratique et sociale», № 112, 28 février. 1849.

²² Lebey A. Указ соч., стр. 112.

²³ Dagnan E. Указ соч., стр. 291—292; Charles A. «La Révolution de 1848 à Bordeaux et dans le département de Gironde». p. 210. Bordeaux, 1946.

²⁴ См. «Gazette de tribunaux», N 6816, 8 mai 1849.

В Нэроде (деп. Жэр) бастовали землекопы, занятые на работах по выпрямлению русла реки Иенны. Стачка была подавлена властями.

Однако число сообщений о выступлениях рабочих было невелико. Активные силы пролетариата были ослаблены июньской бойней, репрессиями и расправами властей над передовыми элементами; часть передовых рабочих была увлечена теперь сектантскими экспериментами с рабочими ассоциациями, «народными банками» и тому подобными мирными реформаторскими проектами мелкобуржуазного социализма. Лишь в Париже и Лионе, в клубах, в организациях «Республиканской солидарности» и других тайных обществах гнездились остатки бланкистских элементов и участников тайных обществ дофевральского периода, продолжавших ещё оказывать влияние на рабочее движение.

Более многочисленными были факты, указывавшие на рост революционного брожения среди крестьян. Случаи волнений и беспорядков, сопровождавших сбор недоимок по 45-сантимному налогу 1848 г., были нередки и в 1849 году. В департаменте Жиронды, в коммуне Сен-Пьер де Бат, крестьяне прогнали сборщика налогов и отказывались платить недоимки²⁵. В департаменте Буш дю Рон, как сообщала марсельская газета «*La voix du peuple*», власти были вынуждены направить 8 марта в деревню Орезон для сбора 45-сантимного налога отряд солдат в 400 человек²⁶. В департаменте Арьеж значительная часть 45-сантимного налога оставалась ещё не собранной; попытка его сбора вызвала волнение и озлобление крестьян²⁷. В департаменте Дордонь, в округах Риберак и Бержерак, имел место массовый отказ от уплаты 45-сантимного налога. Власти были вынуждены направить войска в эти округа. В соседнем департаменте Ло в январе 1849 г. крестьяне осадили городскую ратушу города Гурдон и потребовали от властей прекращения дальнейшего сбора 45-сантимного налога. Они требовали, чтобы им тут же, на месте, выдали квитанции о том, что налог получен сполна. Только после прибытия в город вызванного властями батальона пехоты и длительных увещеваний крестьяне разошлись, пригрозив вернуться снова в ещё большем количестве, если сбор налога будет продолжаться²⁸. Крестьянские волнения на почве сбора 45-сантимного налога происходили весной 1849 г. и во многих других департаментах.

Ещё более показательным был тот широкий отклик, который получил в деревне лозунг возвращения народу миллиарда, выплаченного в 1825 г. эмигрантам за ущерб, причинённый им революцией 1789—1794 годов. Петиции, требовавшие от Учредительного Собрания принятия соответствующего решения, широко распространялись и подписывались тысячами крестьян. Петиция, распространённая в департаменте Коррез, требовала возврата этого миллиарда эмигрантами или их наследниками в годичный срок, с уплатой 3%, и предлагала употребить возвращённые суммы на выплату крестьянам сумм 45-сантимного налога, на уменьшение (в течение трёх лет) на 50% прямых налогов на малоимущих и на поощрение промышленности, сельского хозяйства и народного образования²⁹. В департаменте Об, в деревне Эшемин, петицию подписали все отцы семейств, за исключением мэра; в местечке Павийон её подписало всё население, за исключением трёх лиц; в числе подписавшихся были мэр, его помощники и командиры местной национальной гвардии. Петиция граждан семи деревень департамента Воклюз имела 2850 подписей³⁰. Число представлявшихся в Учредительное Собрание петиций в

²⁵ Dagнан E. Указ. соч. стр. 292.

²⁶ «*La Révolution démocratique et sociale*», № 128, 16 mars 1849.

²⁷ Morère Ph. «*Le recouvrement des 45 centimes dans l'Ariège*» («*La Révolution de 1848*», Vol. XXI, p. 227).

²⁸ Rocal G. «1848 en Dordogne». Vol. 2, p. 25—27. Paris. 1934.

²⁹ См. Lebeu A. Указ. соч., стр. 109; см. также текст петиции, распространявшейся в Париже («*La Révolution de 1848*», Vol. II, p. 383—384).

³⁰ «*La Révolution démocratique et sociale*», № 148, 5 avril 1849.

марте — апреле 1849 г. непрерывно увеличивалось. Буржский процесс над участниками событий 15 мая 1848 г., напомнивший о предъявленном в этот день Учредительному Собранию требовании Барбеса о наложении чрезвычайного налога в один миллиард на буржуазию, способствовал дальнейшей популяризации среди крестьян лозунга о возвращении эмигрантского миллиарда. Его подхватили и распространили около 60 газет в департаментах³¹. «Новая Рейнская газета», внимательно следя за развитием этого движения, писала: «Если бы вопрос этот должен был решаться всеобщим голосованием, за него было бы, наверное, подано больше голосов, чем за Наполеона. Дело с миллиардом, это — первое революционное дело, которое втягивает крестьян в революцию. Петиции, поступающие отовсюду, и тон этих петиций доказывают, что революция получила прочную почву»³².

Приход к власти Луи Наполеона и монархистов застал демократические элементы в состоянии глубокого разброда. Острая борьба между выставившими на президентских выборах кандидатуру Ледрю-Роллена мелкобуржуазными демократами и социалистами, призывавшими голосовать за Распайя, получила на первых порах новую пищу для взаимных обвинений. Оруженосцы Ледрю-Роллена обвиняли социалистов в расколе голосов и тайных махинациях в пользу реакции. Прудон, в свою очередь, поносил за это же Гору и видел в происшедшем пагубные последствия её лицемерной, несоциалистической программы и её диктаторских замашек. Poleмика между прудонистской газетой «Народ» и газетой Делеклюза «Демократическая и социальная революция» приняла в декабре — январе скандально острый характер личных оскорблений. Делеклюз вызвал Прудона на дуэль, последний драться отказался.

Значительная часть мелкобуржуазных социалистов видела в успехе Луи Наполеона выражение социалистических чаяний народных масс, увлечённых социальными обещаниями бонапартистской программы. Социалистическая печать после выборов обсуждала вопрос: социалист — Луи Наполеон или же обманщик, и гадала: пойдёт ли он с буржуазией или станет на путь сотрудничества с демократами и социалистами. Против последнего ничего не имели ни представители мелкобуржуазных демократов, ни Луи Блан, ни политиканствующий Прудон. «Peuple» писала 16 декабря, что Луи Наполеон «в действительности есть представитель трудящихся», что он «вынужден стать вместе с ними и для них республиканцем, демократом и социалистом». Обращаясь к Луи Наполеону, прудонистская газета говорила: «Вы были избраны страдающими классами в надежде, что вы улучшите их участь: социалист или изменник — среднего выбора нет для вас»³³.

По мере того как развёртывалось сотрудничество президента с монархистскими партиями и правительством Барро, эти иллюзии, конечно, изживались. Но попытки Луи Наполеона освободиться от опеки легитимистов и орлеанистов подогревали надежды мелкобуржуазных политиков на возможность оторвать его от реакционного лагеря и увлечь на путь сотрудничества с Горой. Подобно буржуазным республиканцам и мелкобуржуазным демократам продолжали на первых порах заигрывать с Луи Наполеоном. При обсуждении законопроекта о народном образовании в Учредительном Собрании 4 января 1849 г. депутат Дюпон заявил монархистам под крики одобрения Горы: «Что касается борьбы между нами и вами, то разве она идёт между нами и президентом? Конечно, нет! Что касается меня, то я заявляю от своего имени и от имени

³¹ «La Révolution démocratique et sociale», № 120, 8 mars 1849.

³² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. VII, стр. 320.

³³ «Le Peuple», № 29, 16 décembre 1848.

своих друзей, что я полностью и целиком провожу различие между президентом и правительством... я готов оказать помощь и поддержку президенту республики, избранному при посредстве всеобщего избирательного права»³⁴.

Эти расчёты и интриги свидетельствовали о растерянности в демократическом лагере, об ошибочном понимании сложившейся ситуации. Понадобились долгие недели горького опыта, чтобы отрезвить мелкобуржуазных демократов и социалистов и побудить их объединить свои силы против объединившихся сил реакции.

Успех реакции казался и демократам и социалистам временным и непрочным. Они считали её бессильной справиться с экономическими трудностями и особенно с финансовым дефицитом. Некоторые демократы даже усматривали известные выгоды в том, что теперь за бедственное положение дел будут отвечать реакционеры-монархисты. Мартен-Бернар 27 декабря 1848 г. писал активному деятелю «Республиканской солидарности» в Лионе, Дюссюрже: «Положение неплохое, приход Бонапарта даёт нам двоякую выгоду, во-первых, что Кавеньяк будет мёртв и похоронен, во-вторых... Бонапарт — не серьёзная фигура, и вскоре, как только пройдёт увлечение народа магическим именем Наполеона, ничтожность носителя этого имени откроется всем; даже нашим бедным слепым деревенским братьям, в то время как если бы произошло невозможное и сразу же победил наш кандидат, то народ стал бы, возможно, обвинять в бедственном положении Гору и всю демократию»³⁵.

Нередко делался вывод, что избрание Луи Наполеона президентом несёт с собой новый подъём революции и приближает её торжество. Дижонская газета «Citoyen» в статье, которую цитировала «Новая Рейнская газета» писала: «Революция начинается с того момента, когда Бонапарт провозглашён президентом. До сих пор был лишь пролог революционной драмы»³⁶. Главным источником оптимистических оценок ситуации в демократическом лагере было непонимание классового лица реакции. Демократы и социалисты были убеждены, что реакция представляет тот же, что при июльской монархии, узкий слой верхушки буржуазии, лишённый опоры в стране. «То, что называют сегодня реакцией, есть протест индустриального феодализма против победы народа. Индустриальный феодализм чувствует, что февральская революция должна лишить его того, что составляет его могущество, а именно: банка, транспортных средств, контор и прибыльных местечек»³⁷. Что касается остальной буржуазии, то демократы и социалисты зачисляли её в свой лагерь. Игнорируя классовые противоречия и постоянно затушёвывавшая классовую борьбу, мелкобуржуазные политики считали массу буржуазии, вместе с рабочими и крестьянами, сторонницей республики и выводили весьма благоприятный для последней баланс сил: «Республика имеет лишь одного грозного врага — крупную буржуазию. Мы понимаем под этим именем все разновидности индустриализма и ажиотажа. С крупной буржуазией связаны все фракции монархистов, белые, голубые, империалисты (бонапартисты.—Н. З.)». Пояняя эту мысль, газета «Демократическая и социальная революция» противопоставляла реакции «честную, трудящуюся буржуазию» — мелких коммерсантов, мелких промышленников, лавочников, мелких буржуа, образующих вместе с рабочими и крестьянами народ, и утверждала, что крупная буржуазия «совсем не обладает французскими нравами; она является английской по сердцу и по чувствам»³⁸.

³⁴ Lebeu A. Указ. соч., стр. 48.

³⁵ Это письмо приведено в обвинительном заключении по делу участников событий 13 июня 1849 года. См. «Moniteur», 14 octobre 1849.

³⁶ См. «Neue Rheinische Zeitung», № 174. 21, Dezember 1848.

³⁷ См. «La Révolution démocratique et sociale», № 91, 9 février 1849.

³⁸ Там же, № 96, 11 février 1849.

Орлеанистский преимущественно состав правительства Барро и новой администрации подкреплял уверенность мелкобуржуазных демократов в близком банкротстве реакции. К власти возвращался тот правящий слой — «буржуазная аристократия», — как выразилась газета Делеклюза³⁹, который так глубоко скомпрометировал себя ажиотажем, финансовыми спекуляциями и мошенничеством, постоянным бюджетным дефицитом, коррупцией и трусливой антинациональной политикой «мира во что бы то ни стало». Революция казалась вернувшейся к исходному пункту борьбы, но на расширенной основе, поскольку теперь существовали всеобщее избирательное право, парламент, конституция, — эта новая арена борьбы старых противоречий, которой против финансовой аристократии могли воспользоваться её противники в лагере буржуазии и мелкой буржуазии. Оставалось лишь ждать неизбежных результатов хозяйничания реакции и готовиться к её вторичному свержению. Демократическая и социалистическая печать уделяла большое внимание финансовому положению, дефициту государственного бюджета, налоговым законопроектам правительства Барро. «Мы рассчитываем на неудовлетворительность нынешних финансовых ресурсов, как на средство ускорить наш триумф»⁴⁰, — писал Делеклюз 26 декабря 1848 г. в письме к Дейтхе.

Особое внимание демократической прессы привлекала кредитная политика Французского банка, резко сократившего свои учётные операции и требовавшего не менее чем трёх подписей под вексельными обязательствами. Не понимая подлинных причин экономического кризиса и принимая следствие за причину, демократы усматривали в этой политике банка главную и чуть ли не единственную причину застоя в делах. Их точка зрения воспроизводила и отражала типичные взгляды лавочника и мелкого промышленника, вливших во всех бедствиях кризиса дороговизну кредита. «Почему остановились нации фабрики? Почему прекратили свою деятельность ремёсла в Руане, Лилле, Эльбефе, в Лионе, Седане и во всех фабричных городах? Потому, что у фабрикантов нет денег, а денег у них нет потому, что не имея больше возможности учесть ценности, какие им предлагают в оплату, они берут заказы только на наличные деньги, и в результате работа замирает»⁴¹. Указывая на тощий вексельный портфель банка (на 15 февраля он был равен всего 149 млн. фр., из них на Париж приходилось 39,6 млн. фр.), «Демократическая и социальная революция» писала: «Всеякие рассуждения тут излишни. Теперь видно, почему не возобновляются учётные операции, — это потому, что банковская верхушка хочет убить революцию»⁴².

«Понимают ли теперь парижские торговцы, что у них нет больших врагов, чем финансовые принцы?» — обращалась газета Делеклюза к парижской мелкой и средней буржуазии⁴³.

Прудонисты также были полны оптимизма во взглядах на развитие событий. Они считали, что финансовые и кредитные трудности и попытки переложить бремя дефицита на плечи налогоплательщиков неизбежно оттолкнут буржуазию от реакции и прибьют её к берегам прудоновского «социализма». Стоило суду присяжных Сены оправдать одного из редакторов прудоновской газеты «Peuple», обвинявшегося в возбуждении ненависти между классами, как газета сделала вывод: «Поставленная между реакцией и революцией буржуазия больше не колеблется, она замечает, наконец, как она была обманута... Буржуазия начинает сомневаться, она ускользает от реакции. Ещё немного времени и буржуазия станет

³⁹ См. «La Révolution démocratique et sociale», № 96, 11 février 1849.

⁴⁰ См. «Moniteur», 14 octobre 1849.

⁴¹ «La Révolution démocratique et sociale», № 106, 21 février 1849.

⁴² Там же.

⁴³ Там же, № 124, 12 mars 1849.

социалистической, мы ждём её с распростёртыми объятиями»⁴⁴. Сходные мысли высказывали и левые деятели Горы, демократы «якобинского толка», группировавшиеся вокруг газеты Делеклюза: «Поскольку делом разрушения хотят заняться другие, предоставим им это сделать. Когда придёт час реконструкции, принципы социальной демократии сами по себе восторжествуют... Когда буржуазия убедится на своих собственных издержках в этой истине... она перестанет обвинять республику в том, что последняя является источником всех бед, она поймёт, что у неё нет иных интересов, чем интересы народа, она поднимет наше знамя, и в этот день Франция и весь мир будут спасены»⁴⁵.

В тесной связи с подобными заявлениями демократической прессы находились успокоительные оценки в ней положения, созданного первыми атаками правительства Барро на Учредительное Собрание. Предложение депутата Рато о роспуске Учредительного Собрания, обсуждение этого предложения в Собрании, полемика буржуазных республиканцев с монархистами, слухи о государственном перевороте — всё это на первых порах не внушало демократическим мелкобуржуазным политикам особой тревоги. В то время как парламентские представители Горы во главе с Ледрю-Ролленом выступали в Собрании с требованием привлечения правительства к ответственности, левая печать успокаивала читателей по поводу слухов о намерении реакции совершить переворот и разогнать Собрание. «Всё это кажется таким гротеском и во всяком случае так мало опасным, что мы отказываемся этому верить»⁴⁶, заявляла газета Делеклюза. «Отчаяние бессилия» — так озаглавила свою передовую о политике реакции и прудоновская газета «Peuple»⁴⁷. Несмотря на глубокое различие своих общеполитических идей, обе газеты проповедывали политический индифферентизм по отношению к борьбе вокруг предложения Рато. «Наши собственные интересы состоят в том, чтобы эти две партии (монархисты и республиканцы) взаимно пожрали бы друг друга, чтобы освободить чистое место для социализма», — писала прудоновская газета. Свою позицию она характеризовала как позицию «безразличных наблюдателей»⁴⁸. Газета Делеклюза держалась, в сущности, того же взгляда: «Нас не интересуют эти дебаты, нас мало трогает, что палата свершает самоубийство и будет заменена более преданной реакции, если это только возможно, Собранием. Что бы ни произошло, перед правительством вырастают новые трудности, и демократическая партия может от этого только выиграть»⁴⁹.

Если свести воедино все эти заявления и оценки, то можно сказать, что глазам демократов и социалистов представлялась следующая перспектива развития событий: в результате прихода к власти реакции экономическое и финансовое положение страны ухудшается; грозит государственное банкротство; реакция будет искать выхода в усилении налогового и кредитного гнёта, буржуазия будет отходить от лагеря реакции и сближаться с республиканско-социалистической демократией; реакция окажется в такой же изоляции, как перед февральской революцией 1848 г., и будет легко опрокинута объединившимися силами народа, т. е. трудящихся масс в союзе с мелкой и средней буржуазией.

Наличие этих общих взглядов на создавшуюся обстановку и перспективы её развития создавали почву для сближения различных группировок демократического лагеря. Однако это сближение произошло далеко не сразу. Наоборот, в начале ещё продолжали увеличиваться расхождения в политике и тактике между разными направлениями демократов

⁴⁴ «Peuple», № 54, 11 janvier 1849.

⁴⁵ «La Révolution démocratique et sociale», № 69, 15 janvier 1849.

⁴⁶ Там же, № 58, 4 janvier.

⁴⁷ «Peuple», № 53, 10 janvier 1849.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ «La Révolution démocratique et sociale», № 67, 13 janvier 1849.

и социалистов. Правые элементы Горы, преобладавшие в составе её депутатов в Учредительном Собрании, строили перспективу мирного, безболезненного перехода власти в руки республиканцев-демократов. Эти парламентарии Горы — к ним относились Ф. Пиа, Бак, Бенуа, Греппо, Жоли, Матье, П. Леру, Консидеран, Шольхер и др. — рассчитывали на то, что Горе удастся повести за собой буржуазных республиканцев на борьбу с правительством Барро и свергнуть последнее посредством парламентского акта недоверия и обвинения в нарушении конституции. Что касается Луи Наполеона, то либо президент подчинится воле Собрания и будет сотрудничать с республиканцами — перспектива, которую парламентарии Горы отнюдь не исключали, имея в виду тягостную для Бонапарта опеку монархистских лидеров, — либо он должен будет разделить участь министров. При этом народным массам отводилась совершенно пассивная роль: они должны были служить Горе средством давления на Собрание и президента, быть призраком, который вызывают, чтобы напугать противника, но никогда не выпускают на волю. Многочисленные выступления ораторов Горы в Учредительном Собрании в период нарастания январского кризиса 1849 г. были направлены на реализацию этой перспективы.

Несколько отличной была позиция левых элементов Горы, группировавшихся в собрании вокруг Мартена Бернара и представленных вне собрания газетой Делеклюза «Демократическая и социальная революция» и организацией «Республиканская солидарность». К этой группе примыкал теперь и Ледрю-Роллен, хотя в его поведении попрежнему сказывались те черты, о которых Энгельс говорил: «Слабость, мелкое тщеславие, увлечение высокопарными фразами... нерешительность, зависимость от пошлых, избитых фраз о самопожертвовании и т. д., забвение революционных действий ради революционных воспоминаний»⁵⁰.

Мартен Бернар и Делеклюз исходили из перспективы близкой новой революции, которая должна была свергнуть господство реакции и поставить у власти настоящих республиканцев — демократов и социалистов. На эту перспективу ориентировались Мартен Бернар и Делеклюз в руководстве деятельностью демократической организации «Республиканская солидарность», созданной в период президентских выборов. Главную причину неудач и поражений, которые потерпела февральская революция 1848 г., они видели не в классовых противоречиях и не в классовой борьбе буржуазии против пролетариата, а в доверчивости народа к его врагам-монархистам, перекрасившимся в республиканцев, и к предателям из лагеря буржуазных республиканцев. Революция настигла народ неподготовленным, он не знал, где его друзья, где враги, не имел ни организации, ни кадров, подготовленных к использованию победы. Теперь это не должно повториться. «Результат будет обеспечен, если мы сумеем объединиться и создать крепкую связь между собой, если мы поймём, что для нашей партии встаёт вопрос — быть или не быть, — писал Мартен Бернар в письме к Дюссюрже. — Надо одним словом, чтобы наша «Солидарность» покрыла всю Францию, чтобы ни одна коммуна в республике не была обойдена её централизаторской деятельностью, чтобы в тот близкий день, когда Франция для своего спасения будет вынуждена броситься в объятия истинной демократии, мы нашли готовый персонал, чтобы по крайней мере у нас не отсутствовали если не люди, то определённые сведения о людях, как это было 24 февраля»⁵¹. Ещё более определённо высказывался в этом духе Делеклюз. В письме к Леопольду Дейте от 26 декабря 1848 г. Делеклюз писал о близости новой битвы, о том, как важно, «чтобы победа не застигла нас врасплох. С моей точки

⁵⁰ MEGA, Erste Abteilung, Bd. VII, S. 557.

⁵¹ См. «Moniteur», 14 octobre 1849.

зрения, «Солидарность» должна помочь нам теперь же, сразу же, приступить к организации революционного правительства». Условием этого Делеклюз считал «установление единства между всеми оттенками демократической партии в Париже — без этого, кто знает, что получится из победы?»⁵²

Многие признаки указывали на то, что под легальной поверхностью «Республиканской солидарности» создавалась революционная организация, объединявшая вокруг мелкобуржуазных революционеров Горы также и участников революционных клубов и обществ, уцелевших от разгрома и преследований после июньских дней⁵³. Однако сближение революционных вожakov рабочего класса с передовыми элементами мелкобуржуазной демократии не меняло мелкобуржуазного характера «Республиканской солидарности». Ход событий руководители «Республиканской солидарности» представляли в виде повторения якобинского периода революции 1793—1794 годов. «Вот как мы думаем действовать после новой революции, — писал Делеклюз в указанном выше письме. — Обнародовать декларацию прав и конституцию 93 года, слегка модифицировав её. Временно — революционная диктатура, воплощённая в комитете общественного спасения и опирающаяся на совещательный комитет, составленный из делегатов от каждого департамента. Политическая организация дополнилась бы сетью «Республиканской солидарности», и достаточно было бы десяти декретов, чтобы придать революции всю ту силу, в которой она нуждается»⁵⁴.

Эти схемы революционного развития были навеяны не только тем, что у революционных элементов Горы отсутствовал другой исторический опыт, кроме опыта буржуазной революции конца XVIII века. Ещё большее значение имело то обстоятельство, что социальные идеи Делеклюза, Мартена Бернара и других деятелей «Республиканской солидарности» не шли дальше социальных идей мелкобуржуазной революционной демократии 1793—1794 годов. Будучи мелкобуржуазным революционером *par excellence*, Делеклюз не видел глубокого отличия революции 1848 г., с её развитым рабочим движением и социалистическими устремлениями пролетариата, от буржуазной революции прошлого века. Он считал, что 1848—1849 гг. продолжают дело 1792—1794 гг., что декларация прав якобинской конституции является «святою святынь» и что конституция 1793 г. нуждается лишь в некоторых изменениях, «ставших необходимыми в силу прогресса»⁵⁵. «Республиканская солидарность» клала в основу своей деятельности программу Горы, опубликованную перед президентскими выборами 1848 года. Делеклюз считал эту программу мелкобуржуазного радикализма, окутанного туманно социалистической фразеологией, вполне пригодной для единения сил демократического лагеря и даже сомневался, не слишком ли она радикальна для данного момента и допустит ли её полного развития «темперамент современного общества»⁵⁶. Вот почему, также, деятельность «Республиканской солидарности», несмотря на её революционную перспективу, меньше всего направлялась на организацию сил и роста сознательности трудящихся масс. Наоборот, руководимая и в центре и на местах мелкобуржуазными интеллигентами-демократами, эта организация была проводником мелкобуржуазного влияния на пролетариат и средством приращения его классового самосознания и затушёвывания классовых противоречий. Задача «Республиканской солидарности», писала газета Делеклюза, «просветить привилегированных, умы которых подверглись заблуждению, и бедных, образо-

⁵² См. «Moniteur», 14 octobre 1849.

⁵³ См. Benoît J. «Souvenirs de la République de 1848», p. 166. Genève. 1855.

⁵⁴ «Moniteur», 14 octobre 1849.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же.

вание которых не было закончено, и примирить и тех и других с равенством и республиканским братством»⁵⁷.

Наконец, третий элемент демократического лагеря — социалистические секты — на первых порах продолжал углублять раскол между Горой и социалистическим движением. Вместо мобилизации масс на борьбу с буржуазно-монархической реакцией социалистические секты, исходя из той же оптимистической оценки ситуации, выдвинули на первый план свои реформаторские проекты. Последователи Луи Блана — люксембургские делегаты — усиливали пропаганду производительных ассоциаций среди рабочих и ремесленников. Прудон и его сторонники подготовили проект создания «Народного банка», призванного служить центром безденежного обмена товарами и рычагом подъема промышленности и торговли при помощи «дарового кредита». Фурьеристы и их орган «Мирная демократия» отстаивали идеи «социетарной школы» и видели спасение от всех зол в скорейшем учреждении опытного фаланстера. Последователи Кабе учреждали в Техасе Икарийскую общину и широко анонсировали своё предприятие, привлекая к нему внимание части рабочих.

В этот период времени особое внимание привлекал проект «Народного банка» Прудона, к созданию которого приступили как раз в январе 1849 года. Прудонистский лозунг «дарового кредита» как нельзя лучше отвечал потребностям ремесла, мелкой торговли и промышленности, задыхавшихся под бременем долгов и резкого сокращения платёжеспособного спроса населения. Лишённые доступа к банковскому кредиту, требовавшему солидного обеспечения, и вынужденные прибегать к ростовщическому кредиту, мелкие производители и лавочники видели в «дешёвом» или даже «даровом» кредите выход из кризиса и средство борьбы с засильем крупного капитала.

Проблемы быта, оборотного капитала и кредита стояли также весьма остро и для производительных ассоциаций, и идеи Прудона захватывали теперь своим влиянием и часть рабочего класса. Впрочем, идеи «дарового» и «дешёвого» кредита носились в воздухе и эксплуатировались и помимо Прудона разными реформаторами и просто шарлатанами. В Руане, Марселе, Лионе, Страсбурге, Бордо открывались и рекламировались различные «обменные банки».

При всей фантастичности и утопичности этих проектов за идеей «дешёвого» и «дарового» кредита скрывался протест рабочих и мелкой буржуазии против гнёта крупного капитала. «Даровой кредит, — писал Маркс, — есть лишь лицемерно-мещанская и трусливая форма для положения: «собственность это кража». Вместо того, чтобы рабочие отобрали у капиталистов капитал, капиталисты должны быть вынуждены отдать его рабочим»⁵⁸.

Идеи «кредитной реформы», «дешёвого кредита» и т. д. занимали значительное место и в других социалистических системах. Луи Блан и его последователи теперь выпячивали их в своей программе социальных реформ, проводимых с помощью государства. Эти идеи развивала и фурьеристская школа Консидерана, которая также включила в свои реформаторские проекты «общедоступный кредит для производителей».

В попытке создания «Народного банка» кроме прудонистов активное участие принимали и люксембургские делегаты, руководители производительных ассоциаций. В широких дискуссиях, происходивших в январе 1849 г. в парижских клубах Монтескье, Редут, по ул. Арбалет и др., проект «Народного банка» подвергся горячему обсуждению, которое за-

⁵⁷ «La Révolution démocratique et sociale», № 79, 25 janvier 1849.

⁵⁸ К. Маркс. Из подготовительных работ «К критике политической экономии». Сборник «К пятидесятилетию смерти К. Маркса», стр. 27. Партиздат. 1933.

кончилось участием люксембургских делегатов в составлении окончательного проекта Банка Прудона и в агитации среди рабочих и производительных ассоциаций за вступление в число его подписчиков и акционеров. Для помощи производительным ассоциациям и для регулирования их экономических связей между собой при Банке создавались «синдикаты» производства и потребления, идеи которых были заимствованы у Фурье. Всё это обеспечило проекту Прудона довольно активную поддержку со стороны членов производительных ассоциаций. Число подписчиков Банка Прудона достигло к началу апреля 1849 г. 20 тыс. чел., а подписная сумма — 18 тыс. франков.

Растущее наступление монархической реакции и надвинувшийся политический кризис, связанный с предложением Рато, опрокинули все эти и подобные им расчёты и планы различных группировок мелкобуржуазной демократии. Буржуазные республиканцы в Учредительном Собрании не решились бросить вызов правительству Барро и проявляли готовность к капитуляции и сделкам с монархистами. Луи Наполеон покорно следовал за блоком монархических партий и отказывался сотрудничать с республиканским Собранием. Правительство Барро — Фощэ приступило к разгрому «Республиканской солидарности» ещё до того, как её деятельность принесла сколько-нибудь ощутимые результаты в Париже и провинции. Реакция усиливала преследование демократической прессы, на которую посыпался град судебных приговоров, штрафов и тюремных заключений. Законопроектом Фощэ о запрещении клубов реакция показала своё твёрдое намерение покончить с остатками демократических свобод и лишить противников легальных возможностей пропаганды и агитации в массах. Таким образом, нарастающая с каждым днём реакция хоронила надежды и правых и левых деятелей Горы и социалистических реформаторов. Её удары рушили многие иллюзии, вносили большую ясность в ситуацию и побуждали различные элементы демократического лагеря к пересмотру своих позиций.

Накануне кризиса, 29 января 1849 г., когда монархисты и правительство Бонапарта — Барро пытались спровоцировать беспорядки в Париже, чтобы разогнать Учредительное Собрание, в демократическо-социалистической прессе уже прекратилась проповедь политического индифферентизма. Эта печать стала призывать массы решительно поддерживать Учредительное Собрание в его борьбе против монархистских заговорщиков. Особенно резким был поворот Прудона. После внесения правительственного законопроекта о клубах он выступил со знаменитыми статьями, в которых представил борьбу вокруг предложения Рато как борьбу между Собранием и президентом, и призывал Собрание сместить Луи Наполеона с президентского поста и привлечь его к судебной ответственности. «Луи Наполеон поставил вопрос о роспуске Собрания. В добрый час! В ближайший понедельник Собрание поставит в свою очередь вопрос об отставке президента»⁵⁹. В ожидании дебатов в Учредительном Собрании по поводу решения изучавшей предложение Рато комиссии Гриви об отклонении предложения Рато, Прудон предсказывал «решающую битву между революцией и контрреволюцией, между революцией, представленной Учредительным Собранием и контрреволюцией, представленной Луи Бонапартом»⁶⁰.

В этих статьях Прудон решительно пересматривал свои прежние оценки Луи Наполеона. Он заявлял теперь: «Бонапарт, избранник реакции, инструмент реакции, олицетворение реакции; Бонапарт — это в данный момент вся реакция, так что всякий, кто стоит сейчас в оппозиции к Бонапарту, несомненно, является революционером; при падении Бонапарта вместе с ним будет сокрушён весь доктринёрский, легитимистский,

⁵⁹ «Peuple», № 96, 26 janvier 1849.

⁶⁰ Там же, № 97, 27 janvier 1849.

орлеанистский, империалистский, капиталистический и иезуитский заговор»⁶¹.

В этом судорожном повороте недавнего проповедника политического индифферентизма характерным было сведение реакции к личности Луи Наполеона. Прудон призывал массы доверять буржуазным республиканцам и Собранию и не вмешиваться в предстоящую борьбу, которая будет носить мирный и бескровный характер. Народ, писал Прудон, должен «ждать инициативы своих представителей. Реакция должна быть побеждена самим Учредительным Собранием и победа не должна стоить ни одного волоса на голове какого-либо гражданина»⁶².

Не менее характерной была и позиция «якобинской» группы Делеклюза. Накануне 29 января она пугала реакцию выступлением масс в случае нарушения конституции. 27 и 28 января газета писала: «Если бы была нарушена конституция — чему мы не можем и не хотим верить, — то народу следовало бы лишь вспомнить об июле и феврале»; «республиканцы совершенно не расположены склонить голову перед государственным переворотом, задуманным правительством. Если конституция, защитница всех прав, будет нарушена, они сделают то, что они сделали в июле 1830 года и в феврале 1848 года»⁶³.

На самом же деле «неоякобинцы» опасались выступления парижских масс в ответ на провокацию правительства. 29 января они призывали народ и мобильную гвардию к спокойствию и выдержке и откладывали борьбу на будущее: «Когда наступят день и час, все эти фанфароны роялизма увидят! До тех пор для демократов существует лишь один лозунг — сопротивление бешеным провокациям их противников». Газета предостерегала против «преждевременных и незрелых попыток» и подчёркивала, что, «возможно, вскоре мы должны будем защищать конституцию и республику и мы все должны сохранить себя для этого великого дела»⁶⁴.

Гора явным образом стремилась обойтись без уличной борьбы масс, решить её исход парламентскими средствами. Этим, собственно, и объясняется явный вздох облегчения демократической прессы после состоявшегося государственного переворота 29 января и новый приступ оптимизма в оценке положения, создавшегося после голосования предложения Рато в Собрании. (Собрание, как известно, не приняло предложения Рато, но, не решаясь отклонить его, оставило для дальнейшего обсуждения.) Даже газета Делеклюза расценивала это голосование, означавшее фактически капитуляцию республиканцев, как их победу, и объявила предложение Рато похороненным. Теперь, внушала газета массам, выдавая свои желания за действительность, «республике нечего опасаться попыток монархистов. Большинство Собрания и народ находятся в согласии между собой...»⁶⁵.

Этот оптимизм, принимавший временами явно наигранный характер, не покидал мелкобуржуазных демократов Горы в течение всего последующего периода агонии Учредительного Собрания. Они попрежнему исходили из того, что время работает на них, что реакция всё более разоблачает себя в глазах масс и в особенности в глазах мелкой и средней буржуазии, жаждущей упрочения республики и политической стабилизации страны, как условия выхода из экономического кризиса. Подводя итоги событиям 29 января, «Демократическая и социальная революция» считала, что этот день положил начало упадку реакции и восстановлению сил республики: «Отныне мы можем утверждать, что революция входит

⁶¹ «Peuple». № 70, 27 janvier 1849.

⁶² Там же.

⁶³ «La Révolution démocratique et sociale», № 81, 82, 27 janvier et 28 janvier 1849.

⁶⁴ Там же, № 83, 29 janvier 1849.

⁶⁵ Там же, № 84, 30 janvier 1849.

в своё русло и возобновляет свой курс... Франция спасена, спасена и Европа»⁶⁶.

Дальнейшие перспективы рисовались мелкобуржуазным демократам в виде процесса обратного развития революции — от монархической реакции к февральскому периоду 1848 года. Указывая на эту перспективу, газета Делеклюза предлагала демократам «приготовиться к восхождению по всем ступенькам, по которым мы спускались после 17 марта»⁶⁷, оговаривая, что, возможно, конечно, что ход событий сэкономит ту или иную отдельную фазу этого обратного развития.

Однако — и в этом заключалась самая характерная черта стратегии и тактики мелкобуржуазной демократии 1849 г. — новая восходящая линия развития революции представлялась им отнюдь не в виде повторения классовых битв 1848 г. или новой гражданской войны, только с исходом, противоположным июню 1848 года. Рассчитывая отныне на поддержку народа буржуазией, «якобинцы» 1849 г. были чужды такой перспективы и отвергали всякие идеи «перманентной революции». Они ставили теперь ставку на другое — на завоевание большинства народа при помощи парламентских выступлений, через печать, на мирную агитацию и получение большинства на выборах в Законодательное Собрание и новых президентских выборах. Обратный путь к власти рисовался им в виде мирного, конституционного пути развития. Вот почему и демократы и социалисты — в том числе и такие, как Прудон, подвергавший в своё время резкой критике конституцию 1848 г. и отказавшийся голосовать за неё в Учредительном Собрании, — объявляли теперь эту конституцию, несмотря на все её реакционные черты и недостатки, священной и неприкосновенной хартией, залогом дальнейшего развития революции и социализма. По этим же причинам демократическая и социалистическая пресса, ещё недавно разоблачавшая реакционную политику Учредительного Собрания и его буржуазно-республиканского большинства, превозносила теперь Собрание как оплот революции и призвала массы к доверию и поддержке Конституанты.

Особенно отличались этой спасительной верой в конституцию, парламентское законодательство и всеобщее избирательное право политические выступления Прудона. Последний объявил теперь конституцию 1848 г. «клочком бумаги, которого достаточно, чтобы остановить легитимистов и империалистов со всеми их проектами»⁶⁸.

Прудонистская газета «Peuple» по поводу одного из голосований в Учредительное Собрание писала в адрес французского крестьянина: «Когда придёт день выборов, — пусть он подумает о своём суверенитете, пусть голосует, не боясь требований ростовщика. Достаточно только проголосовать — и действительно республиканское и социалистическое Собрание навсегда избавит его от тирании ростовщичества...»⁶⁹.

Парламентские и конституционные иллюзии, к которым скатился теперь Прудон, ярко проявились и при обстоятельствах, сопровождавших ликвидацию «Народного банка». Эта ликвидация была произведена Прудоном в апреле 1849 г., после того, как он был осуждён на три года тюремного заключения за свои знаменитые статьи против президента республики, опубликованные накануне событий 29 января. Мотивируя своё решение ликвидировать «Народный банк», Прудон указывал на то, что судебный приговор лишает его возможности лично руководить экспериментом, осуществление которого он не может доверить люксембургским делегатам, участвующим в создании банка, но во много расходящимся с ним во взглядах на социальный вопрос. Вместе с тем он под-

⁶⁶ «La Révolution démocratique et sociale», № 89, 4 février 1849.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ «Peuple», № 92, 18 février 1849.

⁶⁹ Там же.

чёркивал, что его решение не в меньшей степени вытекает из общей политической ситуации: «Мир не имеет больше времени ждать наших экспериментов: надо стать хозяевами или исчезнуть, надо победить или погибнуть на революционном поле сражения. Победить — это значит поставить у власти демократические и социалистические принципы; а тогда — на что нужен Народный банк? На что нужна его контора на улице предместья Сен-Дени? Разве у нас здесь нет французского банка?.. Пришёл решительный момент, надо в шесть месяцев завершить посредством полемики то, что не могли бы выполнить, возможно, и в десять лет — примеры тысячи рабочих ассоциаций, объединённых Народным банком... Никаких мятежей, никаких клубов, никаких банкетов — одна лишь пресса и избирательный бюллетень»⁷⁰.

В данном случае Прудон выражал не только свои личные мысли и взгляды. Такие же взгляды высказывали и другие деятели Горы. Ф. Пиа в речи на парижском банкете, посвящённом годовщине февральской революции, призывал к борьбе за республику «кредита и труда, ассоциации и обеспечения» и подчёркивал, что победа этой республики будет одержана «мирным путём... посредством одной лишь силы числа и единства»⁷¹. Это выступление Пиа служило красноречивым комментарием к его известному выступлению в Учредительном собрании 6 февраля, когда он угрожающе напоминал депутатам, что после Законодательного собрания заседал Конвент и что этот порядок повторится в революции 1848—1849 годов. Высказанная Пиа мысль служила Горе утешением при всех тревожных фактах растущего натиска реакционных сил. Схема «Законодательное Собрание — Конвент» становилась общеупотребительной формулой в прогнозах демократическо-социалистической прессы насчёт дальнейшего хода событий. Газета Делеклюза писала, что Ф. Пиа «сказал правду»⁷².

Но как осуществится этот переход от Законодательного Собрания к новому «Конвенту»? В ответе на этот вопрос сказывалась вся сущность стратегии и тактики Горы. Если её правые элементы, вроде Бака, Шольхера и Прудона, открыто провозглашали мирный и парламентский путь развития, то и левые её элементы со всякими оговорками лелеяли, в сущности, те же надежды. Делеклюз считал, что ближайшее будущее принесёт демократам большинство в стране и обеспечит им победу. «Мы являемся ещё меньшинством в стране, но через 2 месяца мы будем большинством... Выиграть время, значит выиграть битву...»⁷³, — писал он 6 февраля. Оценивая принятие Собранием в феврале предложения Рато — Лапжюйне о срочном роспуске Учредительного Собрания, газета Делеклюза подчёркивала, что «нам нечего сожалеть о голосовании Собрания... Позиция революционной партии такова, что, что бы ни случилось, события могут лишь улучшить её... всеобщие выборы не внушают нам никакого беспокойства: Франция покажет, что она более республиканская, чем это думают в некоторых кругах...»⁷⁴. Однако полный уверенности в таком благополучном исходе у левого крыла Горы всё же не было. Одновременно газета выдвигала и запасную перспективу: «А если наше предвидение оказалось бы ошибочным, то мы воззвали бы к Конвенту и наш голос был бы услышан и Законодательное Собрание было бы морально принуждено уступить воле всей Франции. Реакция, организовав петиции в поддержку предложения Рато, дала демократам пример»⁷⁵. Подводя итоги своим выкладкам и рассуждениям, газета пояснила эту мысль следующими выразительными словами по адресу

⁷⁰ «Peuple», № 144, 12 avril 1849.

⁷¹ «La Révolution démocratique et sociale», № 109, 24 février 1849.

⁷² Там же, № 92, 7 février 1849.

⁷³ Там же, № 91, 6 février 1849.

⁷⁴ Там же, № 100, 15 février 1849.

⁷⁵ Там же.

реакционеров: «Если им удастся, обманув Францию, создать контр-революционное Законодательное Собрание, то Франция, просветившись вскоре насчёт своих обманщиков-депутатов (*infideles*), лишит их доверия и воздаст им по их заслугам. Если же им это не удастся, то революция покажет этим фактом, что она непобедима на легальной почве и мы будем присутствовать на мирных похоронах реакции»⁷⁶. Таким образом, даже группа Делеклюза мыслила переход к «Конвенту» в виде мирного переворота, или, на худой конец, кратковременного выступления, достигающего своей цели средствами морального давления на буржуазную реакцию.

Нетрудно заметить при этом, как отходили от своих революционных предков эпигоны якобинизма 1849 года. Рядясь в одежды якобинцев, они в действительности отбрасывали опыт якобинских революционеров 1792—1793 годов. Перебирая цепь событий, приведших к замене Законодательного Собрания Конвентом, а затем к победе якобинцев над жирондистами, они опускали важнейшие звенья этой цепи: восстание 10 августа 1792 г. и вооружённое выступление парижских масс и национальной гвардии 31 мая — 2 июня 1793 года. Отказываясь от этого опыта истории, деятели Горы 1849 г. обращались к теням прошлого, чтобы избежать открытой революционной борьбы с настоящим; они хотели использовать призрак революционной борьбы, чтобы, запугав противников, избежать этой борьбы.

Стратегия и тактика Горы показывала, что парламентский кретинизм, так жестоко высмеянный и заклеянный «Новой Рейнской газетой», был характерен не только для немецких демократов, показавших классические образцы этого заболевания, но и для французской «социальной демократии» 1849 года. Несмотря на специфические национальные черты в каждой отдельной стране, парламентский кретинизм был общеевропейской болезнью мелкобуржуазных политиков и идеологов, в которой отразился их страх перед революционным пролетариатом. Стратегия и тактика Горы полностью охарактеризована в словах Ленина: «В 1789 году мелкие буржуа могли ещё быть великими революционерами; в 1848 году они были смешны и жалки»⁷⁷.

События 29 января ускорили процесс объединения демократических сил. Накануне этого дня было опубликовано совместное обращение «Комитета национального конгресса» (избирательной организации Горы на президентских выборах) и «Центрального Совета» (избирательного комитета социалистов на тех же выборах). В обращении содержался призыв к объединению обеих организаций и созданию общего единого комитета. «Перед лицом явного нарушения конституции, на которое осмелилось контрреволюционное правительство, — говорилось в обращении, — мы должны спешить с провозглашением этого объединения. Пусть наши враги знают. Им придётся иметь дело со всей демократией в целом»⁷⁸.

В феврале этот процесс объединения ускорился на почве сближения взглядов на создавшуюся обстановку и её перспективы. И демократы и социалисты сходились, как мы видим, на том, что ближайшее будущее принесёт победу демократии и вернёт революцию к её исходному пункту. Социалистические реформаторы, вроде Прудона и Консидерана, усматривали в этом возможность осуществления своих проектов с помощью власти, которая перейдёт в руки Горы. Демократические республиканцы Горы, в свою очередь, искали теперь поддержки рабочих и социалистов и включали реформаторские проекты мелкобуржуазных социалистов в свою программу борьбы с крупной буржуазией. И те и другие видели главную задачу момента в единении сил, чтобы расстроить замыслы

⁷⁶ «La Révolution démocratique et sociale», № 104, 19 février 1849.

⁷⁷ Ленин. Соч. Т. XXVI, стр. 346.

⁷⁸ «La Révolution démocratique et sociale», № 82, 28 janvier 1849.

реакции и обеспечить победу демократии на выборах в Законодательное Собрание. И те и другие проповедывали солидарность интересов рабочего класса, крестьянства, мелкой и средней буржуазии, доказывали отсутствие разделяющих их классовых противоречий и наличие у них одного общего эксплуататора и противника в лице крупного капитала, финансовой аристократии и монархической реакции. Правительственный террор и преследования демократической и социалистической прессы, клубов, собраний и организаций способствовали растущему сближению социалистов с Горой, которая выступала теперь единственной защитницей завоевания февральской революции. Единство монархистских партий, объединившихся вокруг комитета улицы Пуатье, и создание объединения правых газет только подчёркивали необходимость противопоставить реакции единение демократии.

Весь февраль был заполнен многочисленными совместными банкетами в Париже и провинции, на которых участвовали вместе с депутатами Горы представители социалистической печати и виднейшие социалисты — Прудон, П. Леру, Консидеран и другие. В конце февраля по инициативе Консидерана был создан объединённый комитет представителей демократической и социалистической прессы для выработки общей избирательной программы.

В этот же период, 26 февраля, произошло возмешённое в конце января объединение избирательных комитетов демократов и социалистов, в результате чего был создан временный демократическо-социалистический избирательный комитет департамента Сены, олицетворявший достигнутое объединение Горы и социалистов. В комитет вошли активные деятели обеих групп, руководившие избирательной кампанией на президентских выборах 1848 года.

Демократическо-социалистический комитет в своей декларации от 5 марта подчёркивал, что он является временным органом и будет впоследствии заменён постоянным комитетом, составленным путём выборов. На местах, в департаментах и провинциальных центрах, создавались объединённые демократическо-социалистические комитеты по образцу парижского. Так оформился демократическо-социалистический блок, или «Новая Гора», как стали называть вскоре это объединение в отличие от прежней, враждебной социалистам, Горы.

Официальной программой блока стали два документа, опубликованные демократической печатью 5 и 6 апреля 1849 года. Первый из них, носивший название «Программы демократической и социальной прессы», был подписан редакциями шести главных демократических и социалистических газет, представлявших левореспубликанское «якобинское», лублановское, прудонистское и фурьеристское направление мелкобуржуазной демократии⁷⁹. Эта программа была выработана комиссией из представителей указанных газет и выражала «общие им всем принципы, реформы, которые они хотят немедленно осуществить, и их единодушные пожелания...»⁸⁰. Редакции оговаривали при этом, что каждая из них сохраняет индивидуальные убеждения и независимость. Программа эта отражала ту идейно-политическую эволюцию, которую проделывали различные течения мелкобуржуазной демократии. Характерным при этом было то, что сектантский социализм отбрасывал свой прежний аполитизм и воспринимал значение политической борьбы и государственной власти в деле осуществления социальных преобразований. С другой стороны, политический радикализм Горы пополнял свой идейный багаж рецептами социальных реформ, заимствованными у различных социалистиче-

⁷⁹ «La Réforme», «La République», «Le Peuple», «La Révolution démocratique et sociale», «Le Populaire», «Le Travail affranchi», «La démocratie pacifique».

⁸⁰ «La Révolution démocratique et sociale», 5 avril 1849.

ских школ и систем и прежде всего у наиболее буржуазной и консервативной из них системы Прудона.

Программа подчёркивала необходимость единства демократов, особенно в виду объединения сил реакции и опасности её победы на предстоящих выборах в Законодательное Собрание. Всеобщее избирательное право может стать оружием против республики, «если демократы не поспешат противопоставить свет — мраку, истину — лжи, справедливость — несправедливости...» Защищаясь от обвинений в намерении разрушить семью и собственность, программа подчёркивала, что демократы-социалисты, напротив, «хотят сделать выгоды семьи и собственности доступными для всех...»⁸¹.

Программа приспособлялась к антиреволюционным страхам буржуазии. Она обращалась за поддержкой «ко всем гражданам, искренне желающим удовлетворения всех законных интересов... и окончания таким образом эры насильственных революций».

В области политической программа требовала энергичной защиты Республики и всеобщего избирательного права, сохранения конституции и развития её в демократическом духе, «единства власти» (подчинения исполнительной власти законодательной), свободы печати, собраний и ассоциаций. Другие требования этого раздела были сформулированы расплывчато. Самыми важными из них были: право на труд, всеобщее обязательное и бесплатное образование⁸², упрощение правосудия и пересмотр кодексов, демократические реформы в армии и флоте, улучшение положения солдат и унтер-офицеров, уничтожение конскрипции.

Важнейшую часть программы составляли экономические требования. Здесь стояли такие пункты, как «демократическая организация земельного, сельскохозяйственного, коммерческого и промышленного кредита», реформа ипотечного дела, уничтожение ростовщичества, сокращение бюджетных расходов, справедливая раскладка налогов, уничтожение налога на соль и на напитки, а также городских таможенных сборов, «создание складов и национальных базаров», поощрение ассоциаций в промышленности и сельском хозяйстве, «регулирование и морализация торговли», с.-х. колонизация и т. д. Отдавая дань фульеристским идеям, программа говорила об «увеличении общественного богатства посредством ассоциации производительных элементов».

Важнейший пункт программы, который говорил о борьбе с крупным капиталом, требовал «централизации и эксплуатации в интересах всего общества в целом страхового дела, банков, железных дорог, каналов и всех средств сообщения, шахт и рудников». В этой формулировке программа обходила прямое требование национализации крупной промышленности, путей сообщения и банков. Употреблённая в программе формулировка давала возможность фульеристам и прудонистам толковать этот пункт в духе «социетарных» проектов фаланстера или в плане «организации обмена», опирающейся на прудонистскую «ассоциацию производителей».

Наконец, программа декларировала принципы внешней политики в духе «уважения национальностей», освобождения народов, союза между ними и «расового братства». Программа заканчивалась лозунгом: «Да здравствует универсальная (всемирная) демократическая и социальная республика!»

Дополнением и комментарием к этой программе служило опубликованное на следующий день, 6 апреля, обращение к избирателям, подписанное 58 депутатами Горы, в том числе Ледрю-Ролленом, Ф. Пиа, П. Леру, Распайлем. Это обращение, автором которого был Ф. Пиа, вос-

⁸¹ «La Révolution démocratique et sociale», 5 avril 1849.

⁸² Фульеристская «Démocratie pacifique» оговаривала своё несогласие с этим пунктом, признававшим государственный контроль и руководство народным образованием.

производило основные положения программы демократическо-социалистической прессы и в то же время давало им интерпретацию в духе государственных идей мелкобуржуазного радикализма. Помимо требований предыдущего документа, манифест Горы содержал такие требования, как уничтожение должности президента, выборность чиновников, повышение низких окладов и снижение высоких, повышение заработной платы учителей, «эмансипация низшего духовенства», введение «пропорционального и прогрессивного налога», амнистии.

В отличие от программы демократическо-социалистической печати в нём содержалось требование возмещения 45-сантимного налога; характерно, что требование возврата эмигрантского миллиарда в обоих документах обходилось. Вопрос о борьбе с крупным капиталом был поставлен в обращении Горы конкретнее и определённое; в нём говорилось: «Эксплоатация государством ж. дорог, шахт и рудников, каналов, страхового дела и т. д.».

Идейный уровень программы Горы выразительно подчёркивался той частью манифеста, которая касалась требования организации труда. Манифест возвещал освобождение человека от всех видов рабства, невежества и нищеты. «Как? — Посредством труда и образования. В этом — вся республика». Далее шёл пламенный панегирик частной собственности: «Без собственности нет свободы, нет суверенитета. Собственность — гарантия индивидуума, а следовательно и семьи и общества... Мы хотим укрепить собственность, превратив её из привилегии в право, иначе говоря, расширить её, сделав её доступной для всех, заинтересовав в ней всех». Остановившись на средствах достижения этой цели, манифест Горы говорил: «Да, мы хотим признать за всеми право собственности посредством права на труд. Что такое право на труд? Это — право на кредит. А что такое право на кредит? — Это — право на капитал, иначе говоря, на средства и орудия труда». Манифест обещал организацию кантональных департаментских и национального банков и всяческое расширение кредита. «Государство должно добиться снижения денежного процента, оно должно вырвать сельское хозяйство, промышленность и торговлю из феодальной эксплуатации банкиров и биржевиков, спекулянтов и патентованных ростовщиков или тайных маклеров; надо, чтобы оно оживило и утроило силы и жизнедеятельность нации, чтобы оно доставило каждому человеку, каждому гражданину — в ассоциации или в отдельности — труд, иначе говоря — собственность, иначе говоря — свободу»⁸³.

Нетрудно видеть, что социальная программа Горы представляла смесь традиционных программных положений мелкобуржуазного радикализма и лублановско-прудонистских идей мелкобуржуазного социализма, поставленных на службу защите и укреплению мелкой частной собственности. Неудивительно, что нужды рабочего класса в этой программе не получили никакого отражения и она обходила такие вопросы, как продолжительность рабочего дня, уровень заработной платы, право коалиций, женский и детский труд и т. п.

Таким образом, программа Новой Горы в действительности не содержала ничего социалистического, она подменяла социализм идеей укрепления и расширения мелкой частной собственности. Реформистские проекты сектантского социализма приняли в ней свой реальный смысл и получили практическое применение как средство защиты мелкой собственности от гнёта крупного капитала. Так, глубоко революционное требование «права на труд», отражавшее социалистические устремления рабочего класса, превращалось в реформу кредита, вполне совместимую с капиталистическим способом производства и отвечающую действительным потребностям мелкого хозяйчика. Характеризуя программу Новой Горы,

⁸³ «La Révolution démocratique et sociale», 6 avril 1849.

Маркс писал: «...социальные требования пролетариата были лишены своего революционного жала и получили демократическую окраску, а демократические требования мелкой буржуазии утратили свою прежнюю чисто политическую форму и получили более резкую социалистическую окраску. Так возникла социальная демократия»⁸⁴.

Соглашение мелкобуржуазных демократов с социалистами, устранив прежний раскол в демократическом лагере, сделало Новую Гору центром объединения всех демократических сил в стране. К этому центру примкнули и те остатки революционных элементов, которые ещё сохранились после страшных поражений, жертв и потерь в рабочем классе. Вожаки тайных обществ и клубов, бывшие люксембургские делегаты и другие деятели рабочего движения в рядах демократическо-социалистического блока, составили в нём наряду с социалистическими сектантами немногочисленный пролетарский элемент.

Революционные рабочие во многом разделяли мелкобуржуазные иллюзии демократического мещанства и реформаторские утопии социалистического доктринёрства. Однако они не удовлетворялись конституционными лозунгами и парламентскими методами, которыми ограничивалась деятельность Горы. К вождям Горы, её парламентским ораторам и публицистам они относились со скрытым подозрением, видя в их мирно-легалистской тактике стремление уклониться от решительной борьбы с реакцией и готовность к предательству народных интересов. Руководящие сферы Горы, в свою очередь, рассматривали рабочих вожakov скорее как вынужденных и временных союзников, чем как органическую часть блока.

Влияние революционных элементов пролетариата внутри Горы было невелико и распространялось главным образом на группировку Делеклюза — Мартен Бернара, с которой эти элементы были связаны по периоду «Республиканской солидарности».

Поддерживая лозунг «новой революции», рабочие вожаки вкладывали в него, однако, иное содержание, чем левые элементы Горы. Используя избирательные организации Горы как легальное прикрытие революционного подполья, они стремились подготовить новое восстание рабочего класса и обеспечить его победу с помощью демократической мелкой буржуазии, чтобы затем толкнуть революцию дальше её мелкобуржуазной цели. Заметную роль эти элементы играли лишь в Париже и отчасти в Лионе. В Париже их влияние проявилось в «демократическо-социалистическом комитете», образованном из делегатов от окружных собраний избирателей, сочувствующих Горы.

Среди этих вожakov не было крупных имён, известных всей стране или всему рабочему населению Парижа; по большей части они представляли собой «статистов рабочего класса»⁸⁵, людей, известных лишь в пределах своего округа или квартала. Из них можно назвать монтера Малларме, основавшего в 1848 г. коммунистический клуб «Fraternité» (Братство), сапожника Морель, ремесленника Герер, служащих Дюфеликс и Курне, кузнеца из Сентантуанского предместья Филипп, типографского рабочего Дюбуа, журналиста Пайя⁸⁶. Вместе со студентом политехнического института Сервьен и учителем Делюк руководящую роль среди них играла группа старых деятелей тайных обществ, после февральской революции тесно связанных с Барбесом и «Обществом прав человека и гражданина» — В. Шипрон, Н. Лебон, Грашмениль, Дельбрук и др.

⁸⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. VIII, стр. 349.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ См. Cas talle «Hyppolite «Histoire de la révolution de 1848». Vol IV, p. 77; Lucas «Les clubs et les clubistes» p. 65, 94, 145, 149, ss.

Разнородный сложный состав демократическо-социалистического блока делал достигнутое единство весьма относительным и крайне неустойчивым. Программное соглашение демократов и социалистов вовсе не прекращало их споров и теоретических разногласий. Ещё в большей степени это относилось к вопросам тактики, которые в программе Горы оставались открытыми. По мере обострения политической обстановки в стране тактические решения делались всё более неотложными и становились предметом новой борьбы внутри демократическо-социалистического блока.

Не прекращалась после объединения и полемика между различными направлениями и группировками внутри Горы. Прудонисты и люксембургские делегаты взаимно обвиняли друг друга в интригах и нелояльности при ликвидации «Народного банка». После решения Прудона о его ликвидации участвовавшие в создании банка люксембургские делегаты, возглавляемые фурьеристом Лешевалье, решили продолжать осуществление проекта банка, превратив его в «Общество взаимопомощи трудящимся», приспособленное к нуждам производительных ассоциаций. Прудон подвергал теперь критике и насмешкам затею своих вчерашних союзников. Фурьеристская школа Консидерана продолжала рассчитывать на мирное осуществление своих реформаторских проектов. Консидеран выступил 14 апреля в Учредительном Собрании с большой речью о социализме. Он доказывал миротворческий характер социалистических идей и обвинял реакцию в том, что, преследуя социалистов, она намеренно срывает социальный мир и сеет смуту и анархию в стране. Консидеран старался убедить буржуазию в пользе, которую принесёт ей осуществление реформаторских проектов социалистов. Он оплакивал неудачу, постигшую Прудона и его проект Народного банка: «Эксперимент Народного банка при своём успехе был бы благодеянием для страны, а его неуспех, доказав, что банк является иллюзией, убил бы вашего противника»⁸⁷, — говорил Консидеран, обращаясь к монархистам и буржуазным республиканцам и доказывая им недалёковидность их политики гонения на Прудона.

Консидеран предложил Учредительному Собранию ряд социальных реформ: регистрацию ипотек государством, создание окружных палат сельскохозяйственных производителей и промышленных производителей и учреждение «министерства прогресса». Вместе с тем он просил собрание ассигновать средства на немедленное создание опытного фурьеристского фаланстера. Предложение Консидерана, как и следовало ожидать, было встречено смехом и отвергнуто. Прудонистская «Peuple», в свою очередь, лицемерно сожалела о том, что Собрание несерьёзно отнеслось к просьбе Консидерана: «Есть лишь одно средство излечить реформаторов от иллюзий... это предоставить им возможность без всяких помех свободно проделать их опыты и эксперименты», это позволит, доказывала газета, окончить эру восстаний и репрессалий⁸⁸. Иначе оценила выступление Консидерана газета Делеклюза. Она осуждала его иллюзии насчёт возможного отношения Учредительного Собрания к попыткам, «которые могли бы хоть немного поколебать религию буржуазии, тот культ, какой создают вокруг себя привилегированные»⁸⁹.

За всеми этими спорами скрывались, в сущности, поиски средств предотвращения нового революционного кризиса в стране. Разногласия представлялись в более ясной форме в полемике, которая развернулась между разными направлениями Горы вокруг мер борьбы против нового наступления реакции, предпринятого ею в период избирательной кампании.

⁸⁷ «La démocratie pacifique», № 104, 15 avril 1849.

⁸⁸ «Peuple», № 140, 17 avril 1849.

⁸⁹ «La Révolution démocratique et sociale», № 157, 15 avril 1849.

По мере приближения выборов действия реакции становились всё более вызывающими. Погромная литература монархистов против «красных» — демократов и социалистов — широко распространялась по стране. Провозглашённый Гранье де Кассаньяком лозунг насильственного «искоренения социализма» был подхвачен многими монархическими газетами. В провинции производились повальные обыски у бывших деятелей «Республиканской солидарности» и велось следствие о «разветвлённом заговоре». Демократическую печать преследовали и душили штрафами и судебными приговорами. Особенно обострило обстановку решение правительства контролировать предвыборные собрания.

Фоше предписал префектам посылать на эти собрания полицейских представителей, на которых возлагался контроль за содержанием речей ораторов. Широкие слои демократических избирателей были возмущены этим новым нарушением конституционных гарантий и свобод. Учащались столкновения между собраниями избирателей и полицейскими властями, пускавшими в ход силу. В рабочих кварталах Парижа, у ворот Сен-Дени и в Сентантуанском предместье ежедневно собирались толпы, происходили стычки с полицией. Многочисленные факты указывали при этом на провокаторскую деятельность шпиков и полицейских агентов.

Демократическая пресса переходила от успокоительных заверений в непобедимости республики к мрачным предчувствиям. «Нам угрожает насильственный кризис», — писала «Демократическая и социальная революция». — «Мы выйдем из него с честью — было бы преступлением сомневаться в успехе, — но мы предпочитаем мирную борьбу и не без сожаления готовимся увидеть, как выползает из избирательной урны 13 мая война, гражданская война»⁹⁰.

Газета призывала избирателей не соглашаться на присутствие полицейских представителей на собраниях и закрывать демонстративно такие собрания. Повторные демонстрации такого рода во всех округах Парижа, уверяла газета, покончат с правительством Барро⁹¹.

Другой план действий предложил Прудон. Выступление Прудона носило двойственный характер: с одной стороны, оно отражало накопившийся в среде мелкой буржуазии гнев против наглежащей реакции, гнев, искавший выхода в каком-либо действии; с другой — оно диктовалось боязнью стихийного революционного взрыва и желанием парализовать деятельность революционных элементов рабочего класса. Его предложения о «легальном сопротивлении» реакции выростали на той же почве, на какой рождалась в Германии тактика «пассивного сопротивления» прусского Национального Собрания, или словесная борьба с реакцией франкфуртских демократов, — на почве боязни народа и подлинной, революционной борьбы масс. Переводя трусливую тактику немецких либералов и демократов на французский революционный язык, Прудон предлагал разработать «кодекс легального сопротивления», юридически узаконяющий борьбу граждан против нарушающих конституцию и основные права народа властей. Это «легальное сопротивление» должно начинаться с формального заявления об отказе подчиняться беззаконию, затем переходить последовательно к отказу от платежа налогов, от воинской службы, от подчинения административным распоряжениям и судебным приговорам. Лишь в том случае, если эти меры не достигнут цели, можно будет объявить правительство смещённым и провозгласить новое, временное правительство⁹². В этот момент, и только в этот момент, законно восстание, и лишь после подавления такого методически возникающего восстания Прудон считал законным переходить к конспирации, к подпольной борьбе. Этот план, как доказывал Прудон, должен заменить стихий-

⁹⁰ «La Révolution démocratique et sociale», № 162, 20 avril 1849.

⁹¹ Там же, № 156, 14 avril.

⁹² «Peuple», 23 avril 1849.

ную революционную борьбу масс: «Поскольку всё же из-за безумства некоторых людей может вспыхнуть в наших городах гражданская война, не лучше ли обеспечить посредством хорошей организации сопротивление, чем предоставить его случайностям народного протеста и мятежа?»⁹³.

Отвечая на злободневный вопрос, прудонистская «Peuple» призывала граждан выставлять охрану перед дверями собраний и преграждать доступ полицейским представителям; при насильственных же действиях властей пустить в ход предложенный Прудонем план «легального сопротивления», начав его с заявлений о незаконности действий властей, отказе от подчинения им и обращения в судебные инстанции⁹⁴.

Предложенный Прудонем план «легального сопротивления» подвергся критике как со стороны буржуазно-республиканских газет, так и в демократической печати. Защищаясь от этой критики, Прудон расшифровывал внутренний смысл своего предложения, подчёркивая, что оно направлено против революций и восстаний и должно привести к национальному единству и отказу от классово-политики⁹⁵. Таким образом, план Прудона выражал то же стремление, что и другие «революционные» угрозы Горы по адресу реакции — запугивание противника перспективой борьбы, чтобы вынудить его к отступлению и обойтись без революционной борьбы масс.

Критикуя план «легального сопротивления» Прудона, газета Делеклоза излагала ту оценку создавшейся ситуации, которой руководствовались левые элементы Горы. «Не забудем, что контрреволюция боится всеобщего избирательного права; она хорошо знает, что если она восторжествует 13 мая, то это будет её последней победой; она хочет толкнуть демократов на крайние решения, чтобы избежать ответственности за инициативу. Будем остерегаться ловушки, которую нам ставят враги; будем бороться неустанно, но на легальной почве и мы заставим их сбросить с себя маску и атаковать, наконец, конституцию и республику прямыми средствами; в этот-то день и кончится их царство»⁹⁶. Газета призывала бороться «против законного искушения отчаянного сопротивления» и сделать всё, чтобы выборы в Париже принесли победу демократии.

Эти признания рисуют противоречивую позицию левых элементов Горы. Смесь трезвых мыслей с иллюзиями хорошо передавало следующее высказывание газеты Делеклоза: «Каким бы преступным ни являлось поведение властей, как бы очевидно ни было нарушение конституции, масса из-за такой малости не воспламенится. Но пусть завтра будет прямое покушение на всеобщее избирательное право, пусть монархия попытается похоронить республику, — и перед лицом этих фактов Париж будет единомышлен»⁹⁷.

Прудонистский план был отклонён парижским демократическо-социалистическим комитетом, который принял решение отказаться от проведения избирательных собраний в присутствии полицейских представителей, не прибегая к революционным способам борьбы с властями. Защищая и поддерживая это решение, газета Делеклоза писала: «Есть лишь два средства победить наших противников: всеобщее избирательное право и сила. Но по признанию самых преданных и мыслящих патриотов, страна не расположена к употреблению последнего средства. Поэтому необходимо, абсолютно необходимо использовать первое из них, несмотря на все преследования со стороны властей»⁹⁸.

⁹³ «Peuple», 23 avril 1849.

⁹⁴ Там же, 24 avril 1849.

⁹⁵ Там же, № 159, 27 avril.

⁹⁶ «La Révolution démocratique et sociale», № 166, 24 avril 1849.

⁹⁷ Там же, 27 avril 1849.

⁹⁸ «La Révolution démocratique et sociale», № 175, 5 mai 1849.

Подчёркивая, что «в деле сопротивления нет середины, нужно идти до конца, а не пускаться в жалкое крючкотворство, нужно противопоставить силе силу, одним словом, победить или умереть», газета снова указывала на то, что обстановка ещё не созрела для решительного выступления: «Но не нужно скрывать от себя, насколько масса населения будет симпатизировать тем, кто будет защищать республику от прямого и насильственного нападения монархистов, настолько она обнаружит нерешительность при нынешних обстоятельствах»⁹⁹.

В этих словах снова выступала раздвоенность и противоречивость позиции Горы. Признавая ситуацию непригодной для революционного выступления масс, она была уверена в том, что положение радикально изменится, как только реакция открыто посягнёт на конституцию. Пребывая в этой уверенности, Гора отдавала инициативу борьбы в руки противника и подчинялась его планам и расчётам. «Настанет день, и возможно скоро, — утешала газета Делеклюза прудонистов в их неудаче с планом «легального сопротивления», — когда народ вспомнит все свои страдания, всё, что он потерял, и окружит реакцию пустотой, реакция, загнанная в тупик, будет вынуждена рискнуть на государственный переворот. Вот тут-то мы её и ждём»¹⁰⁰.

Впрочем, прудонисты уже не нуждались в утешении: они объявили, что, поскольку их «советы» отвергнуты и не поняты Горой, они устраняются от всяких попыток такого рода обсуждения и «котыне замыкаются в пассивной роли наблюдателей»¹⁰¹.

Таким образом, первые же признаки надвигающейся борьбы обнаружили противоречия и элементы разложения внутри демократическо-социалистического блока, Новой Горы. В этом блоке не было руководящей силы пролетариата, способной сплотить разнородные элементы блока на основе правильной программы и тактики.

Это дало себя знать и на выборах в Законодательное Собрание. Демократическо-социалистический блок, избирательная программа которого была изложена выше, развил большую активность. Но Гора сильно уступала своим противникам в организационном отношении. У неё отсутствовала организация, которая охватывала бы всю страну.

Сильно вредили Горе в её предвыборной кампании рыхлость и неорганизованность, присущие мелкой буржуазии, которая составляла главную социальную опору этой партии. Зато там, где пролетарские элементы играли в демократическо-социалистическом блоке более заметную роль, Горе удавалось создать более сильную и более стройную организацию. Примером такой организации был Париж. В период избирательной кампании здесь оформилась массовая демократическая организация. В конце апреля в каждом из 14 округов Парижа были созваны собрания избирателей, сочувствующих Горе. Эти собрания выбрали делегатов — по 15 человек от каждого округа. Общее собрание этих делегатов составило «Демократическо-социалистический избирательный комитет», который и возглавил избирательную кампанию Горы в Париже. Комитет пользовался большим авторитетом в массах, поскольку в его выборах принимало участие свыше 100 тысяч человек. Большое влияние в комитете имели, как указывалось выше, бывшие вожаки тайных обществ (Н. Лебон, В. Шипрон, Дюфеликс, Морель), а с другой стороны — левые деятели Горы — Делеклюз, д'Альтон-Ше, Боден, Мадье де Монжо и др. Председателем комитета был избран студент Сервьен.

Комитет требовал от кандидатов в депутаты безусловного признания следующих положений: 1) «республика стоит выше всеобщего избирательного права» (т. е. существование республики не может зависеть

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ Там же.

¹⁰¹ «Peuple», № 152, 27 avril 1849.

от исхода выборов в парламент и от решения парламентского большинства); 2) если конституция будет нарушена, депутаты должны первыми подать пример сопротивления; 3) употребление французского оружия против свободы другого народа является нарушением конституции; 4) признание права на труд; 5) всеобщее, бесплатное, обязательное образование; 6) возвращение народу миллиарда, выплаченного эмигрантам в период Реставрации. Эти шесть пунктов шли дальше известной общей программы Горы и выгодно отличались своим боевым духом.

Демократическо-социалистический комитет был руководителем избирательной кампании во всём департаменте Сены. Кроме него были созданы окружные комитеты, состоявшие из членов общепарижского комитета — делегатов от данного округа. Окружные комитеты избирали председателя, руководившего повседневной работой в округе. Округа разбивались на секции, руководители которых назначались окружными комитетами. Здесь сказывалось, видимо, подражание примеру парижских секций 1792 г. и повстанческой Коммуны 10 августа. Комитет был связан с демократической организацией, которая была создана в составе войск парижского гарнизона. Эта организация имела в полках своих делегатов и выдвинула своих кандидатов в Законодательное Собрание — сержанта Буашо и капрала Ратье, которые вошли в общий список кандидатов, выставленных парижским демократическо-социалистическим комитетом¹⁰².

Выборы в Законодательное Собрание подтвердили огромное влияние Горы в стране. Учитывая предвыборный террор властей и «партии порядка» и её лживую пропаганду против демократов и социалистов, надо признать избирательный успех «партии порядка» на выборах 13 мая 1849 г. довольно относительным. Её победа отнюдь ещё не свидетельствовала о действительном преобладании реакционно-монархических настроений в стране, как об этом прокричала реакционная пресса и как это рисуют реакционные историки. Даже беглый анализ результатов голосования обнаруживает иную, гораздо более сложную картину.

Из 9837 тыс. зарегистрированных избирателей в голосовании приняло участие 6594 тыс. человек. Абсентеизм падал главным образом на крестьянство. В городах, особенно крупных, участие в голосовании было более высоким. В Париже на выборы явилось четыре пятых общего числа избирателей.

«Партия порядка» получила на выборах 3310 тыс. голосов — немногим более половины общего числа поданных голосов, но лишь около трети голосов общего числа избирателей. Её противники, кандидаты Горы и буржуазные республиканцы, получили: первые — 1955 тыс., вторые — 834 тыс. голосов.

Однако избирательная механика обеспечила «партии порядка», собравшей лишь половину голосов участников выборов, две трети мест в Законодательном Собрании (500 мандатов из 750). Гора, собравшая на выборах свыше 29% голосов участников, получила лишь 24% мандатов; буржуазные республиканцы, собравшие свыше 18% голосов, получили около 9% мандатов. Дело в том, что голосование происходило по партийным спискам и притом в одном, единственном туре: побеждал тот список и те кандидаты, которые собирали относительно большинство голосов. В этих условиях решающее значение имели избирательные блоки партийных группировок. «Партия порядка», являвшаяся сама по себе блоком трёх монархических партий, имела в этом отношении значительное преимущество перед её противниками: кандидаты Горы и кандидаты буржуазных республиканцев выступали большей частью в отдельных, конкурирующих между собой списках, как это было, например, в Париже и Лионе. Это обстоятельство позволило «партии порядка»

¹⁰² См. Voichot J. «La révolution dans l'armée française», pp. 36—53. Bruxelles, 1865.

в ряде случаев одерживать победу в таких департаментах, где её списки собирали меньшинство голосов участников голосования.

В Париже кандидаты «партии порядка» получили 106 300 голосов и завоевали 14 депутатских мест. Список демократическо-социалистического комитета получил почти столько же — 106 100 голосов и завоевал 10 мест; «друзья конституции» (буржуазные республиканцы) собрали 42 300 голосов и получили 4 места. По числу голосов на первом месте стояла кандидатура князя Люсьена Мюрата (сына наполеоновского маршала), шедшая по списку «партии порядка». Вторым шёл Ледрю-Роллен, получивший 129 068 голосов. Были избраны оба военных кандидата Горы — сержант Буашо и капрал Ратье, а также Феликс Пиа, Ламеннэ, Консидеран, Пьер Леру и некоторые другие. Прудон собрал 103 тыс. голосов, но избран не был. Не были избраны и Н. Лебон, Савари, Малларме, кандидаты парижского демократическо-социалистического комитета.

Успеху кандидатуры Ледрю-Роллена придавало особое значение то обстоятельство, что он был избран одновременно ещё в четырёх департаментах, в то время как ни один кандидат «партии порядка» не был избран одновременно более чем в трёх департаментах.

Наконец, обращал на себя внимание успех Горы в армии. Из 9300 голосовавших солдат и офицеров, жителей департамента Сены, за кандидатов Горы подали голоса 4800 человек, за кандидатов «партии порядка» — 2500 человек, за буржуазно-республиканских кандидатов — 2 тыс. человек. Эти цифры свидетельствовали о том, что, несмотря на развращающую бонапартистскую пропаганду, в армии ещё сохранились демократически настроенные элементы.

Корреспондент бельгийской газеты «L'Independance belge» прислал в свою газету паническую информацию о том, что в Париже «вся армия голосовала за социалистов»¹⁰³.

Итоги выборов в Законодательное Собрание наглядно показали относительную силу и влияние борющихся партий и их социальную опору.

«Партия порядка» оказалась господствующей силой на севере, северо-востоке, северо-западе и западе Франции, а также в парижском районе. В этих департаментах большим удельным весом пользовались зажиточное крестьянство и фермерство, крупная торговая буржуазия и землевладельческая аристократия; здесь были сильнее роялистские традиции и влияние католической церкви, особенно среди отсталого и консервативного сельского населения. Опорой Горы оказались восточные и юго-восточные департаменты и районы центральной Франции — области крупной промышленности с многочисленным пролетариатом (вроде Эльзаса и Лотарингии), а затем районы мелкой крестьянской собственности, мелкого ремесла и торговли, или же мелкого виноградарства и садоводства (вроде Лангедока и других районов западной части Средиземноморского побережья). Влияние буржуазных республиканцев сохранилось лишь в отдельных районах традиционного буржуазного либерализма и неразвитых классовых противоречий — в департаментах Юры, Дромы и Верхних Пиренеев.

Таким образом, выборы в Законодательное Собрание показали дальнейшее обострение классовых противоречий в стране, поляризацию борющихся сил: часть мелкой буржуазии и крестьянства в союзе с рабочим классом выступала против крупной буржуазии, которая вела за собой отсталые элементы крестьянства и мелкобуржуазного населения городов. Успех буржуазной реакции был непрочен, — ему угрожали возросшие силы демократического лагеря.